

© 2001 г. Т.И. ВЕНДИНА

В.И. ДАЛЬ: ВЗГЛЯД ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Exegi monumentum. Эти слова Горация, взятые А.С. Пушкиным в качестве эпиграфа к стихотворению "Я памятник себе воздвиг нерукотворный", с полным основанием можно отнести к "Толковому словарю живого великорусского языка" В.И. Даля, которому он отдал более пятидесяти лет своей жизни. Феномен Даля – явление исключительное в русской культуре, которая сильна такими подвижниками, как Даль. Начав свою работу над словарем еще в юности (первая запись его датируется 1819 г., т.е. когда Далю было всего 18 лет), он продолжал ее до самой смерти: уже будучи тяжело больным, за неделю до смерти, В.И. Даль просит дочь внести в рукопись словаря (второе издание которого он готовил) четыре новых слова, услышанных им от прислуги [Даль 1978, I: I–XC]. И в этой любви к русскому слову проявляется особенность языковой личности Даля, вся жизнь которого – это "одна, но пламенная страсть", страсть к собирательству русского слова и шире – русской словесности (песен, сказок, легенд, пословиц, поговорок и проч.).

Прошло более ста лет после выхода этого Словаря, но он по-прежнему не утратил своей лингво-этнографической ценности, оставаясь явлением уникальным и исключительным в нашей культуре. Несмотря на то что в своей теоретической части (принципы расположения материала, толкования слов, приемы иллюстраций и проч.) Словарь несколько устарел, однако его фактический материал сохранил свое значение вплоть до наших дней, являя собой сокровищницу народной мудрости и память об ушедших в прошлое обрядах и обычаях русского народа. Поэтому ни один из последующих диалектных словарей не может сравниться со Словарем В.И. Даля, который навсегда останется этнографической энциклопедией русского народа и лучшим справочником этого типа.

Писать и говорить о В.И. Дале – значит писать и говорить о целой эпохе в истории русского языка. Это была эпоха своеобразной "переоценки ценностей". "Громадным переворотам надобно было совершиться и в жизни, и в умах, ... чтобы перенести свои эстетические интересы от Вергилия и Вольтера к простонародной песне, ... от Рафаэля к бессмысленному узору бабьего полотенца", – писал об этом времени современник В.И. Даля Ф.И. Буслаев [Буслаев 1874: 647]. Учитывая общую ситуацию, время, когда создавался Словарь (а это было время поисков исконных основ национальной культуры, незатухавшей борьбы за выработку основ и норм общерусского национального языка, время усиливавшегося процесса легитимации русской разговорной языковой стихии), накал общественных и научных страстей, связывавших собственно лингвистические проблемы с общекультурными, можно понять и многое объяснить в лексикографической деятельности Даля. Будучи одним из ярких представителей демократизации языка, Даль последовательно защищал идею создания литературного языка на народной основе. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный, – пишет Даль в "Напутном слове" к Словарю. – Народный язык был доселе в небрежении; только в последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности» [Даль 1978: XIII]. Живой народный язык, считал Даль, "сберегший в жизненной свежести дух, который придает ему стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен по-

служить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи". Это преимущество народного языка перед европеизированным литературным, по мнению Даля, заключалось в следующем: 1) в большом количестве существительных и в неисчерпаемом запасе художественных и технических выражений, чуждых образованному классу и неудачно замененных иностранными словами; 2) в богатстве уменьшительных и увеличительных имен; 3) в избытке местоимений и числительных; 4) в разнообразном и выразительном способе образования прилагательных; 5) в большом количестве глаголов, обладающих более определенными формами; 6) в неисчерпаемом богатстве вспомогательных слов; 7) в богатстве пословиц, поговорок, аллегорий, известных только в "неиспорченном" народном языке [Даль 1958: 18]. Поэтому всеми силами своего ума и сердца Даль стремился возродить интерес общества к живому русскому слову, его фольклорно-этнографическим истокам, и в целом "к утраченному русскому духу".

Творчество Даля было во многом подготовлено эпохой предшествовавшего и современного ему языкового развития. Оно являлось, с одной стороны, последовательным продолжением возникшего еще в XVIII в. интереса к "коренным", "первообразным или первобытным" словам русского языка (составление "Лексикона русских примитивов", т.е. "коренных" или "первообразных" слов русского языка начал еще М.В. Ломоносов, о чем он писал в одном из своих отчетов Российской Академии наук (см. [Успенский 1994: 371]), а с другой – оно было отражением стремительного процесса сближения литературного языка с живой устной речью. В этих условиях «возникает неудовлетворенность старыми словарями русского языка ("Словари Академии Российской" 1789–1794 гг. и 1806–1822 гг.), которые по преимуществу канонизировали лексику славяно-русского языка и столичной интеллигентской разговорной речи, крайне ограничивая материал из языка широких демократических масс, особенно из крестьянского языка и из профессиональных диалектов городского мещанства» [Виноградов 1978: 56]. Словарь Даля снимал эти ограничения, ибо он содержал "речения письменные, беседные, простонародные, общие, местные и областные, обиходные, научные, промысловые и ремесленные, иноязычные, усвоенные и вновь заходящие с переводом, объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных ... с показанием различных значений, указания на словопроизводство, примеры с показанием условных оборотов речи, ... пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и проч." [Даль 1978, I: XXIII]. Являясь самым полным по словнику словарем русского языка (более 200 тыс. слов), словарь Даля представляет собой разнообразное собрание лексики живого разговорного языка первой половины XIX в., поскольку в нем нашли отражение не только территориальные диалекты, но и социальные (язык охотников, рыбаков, моряков, ямщиков, торговцев, шерстобитов и др. ремесленных групп). Используя слова В.Г. Белинского, можно с полным основанием сказать, что Словарь Даля явился "энциклопедией русской жизни", сокровищницей народной мудрости, народного быта, обычаев и традиций.

Действительно, в какую бы словарную статью мы ни заглянули, везде мы найдем, помимо собственно лингвистического, богатейший этнографический и фольклорный материал. Охватывая не только сферу языка, но и сферу культуры, Словарь Даля отразил специфику этнического сознания и культурного феномена русского народа. Толкуя то или иное слово или фразеологический оборот, Даль выходит за рамки обычной лексикографической традиции, поэтому его толкования слов отличаются энциклопедичностью: давая пояснения самим предметам народного быта (см., например, словарные статьи *кунтуш*, *леваха* и др.), обычаям, ритуалам (ср., например, словарные статьи *бросать*: *бросать башмачок*; *береза*: *завивать березку*, *накормить березовой кашей*), иллюстрируя их нередко рисунками (см., например, словарную статью *шляпа*), он приводит множество поверий и примет, связанных с различными сторонами крестьянской жизни (сельскохозяйственным календарем, сопровождаемая его приметами о погоде, урожае, приплоде, календарных запретах и проч.; свадьбой, похоронами, проводами), дает сведения о способах магического исцеления, гаданиях и проч. и сообщ-

щает множество других этнографических данных (ср., например, словарные статьи *кум*, *кума*; *купать*; *лель* и др.), рисуя тем самым картину материального быта и духовной культуры русского народа. Особенно ярко это стремление Даля показать фольклорно-этнографические истоки слова проявляется при сопоставлении его словаря с "Опытом областного великорусского словаря" (1852), ср., например, толкование слова *банник* в обоих словарях: "Опыт" – *банник* 'хлеб, зашитый в скатерть вместе с жареною птицею и двумя столовыми приборами. Этим хлебом благословляет невестина мать отъезжающих к венцу жениха и невесту'; Даль – *баенник* 'хлеб, коим мать невесты благословляет к венцу молодых: хлеб, соль, жареная птица и два полных столовых прибора; все это зашивается в скатерть и сдается свахе, а она расшивает банник на другой день, по выходе молодых из бани, которые и едят его одни, самдруг'.

Такой способ подачи материала был по достоинству оценен как лексикографами XIX в. (фольклорно-этнографический принцип построения словарной статьи был впоследствии использован А.О. Подвысоцким в его "Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении" [Подвысоцкий 1885] и Г.И. Куликовским в "Словаре областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении") [Куликовский 1898], так и современными диалектными лексикографами. Не случайно во многих современных диалектных словарях и программах по сбору диалектного материала нередко содержится богатый иллюстративный материал и даются подробные описания реалий народного быта. Интерес В.И. Даля к обрядам, обычаям и поверьям как составной части культуры русского народа дал толчок и стимулировал развитие этнографической диалектологии (см., например, "Проект словаря русской этнографической диалектологии" С.А. Еремина [Еремин 1926]) и этнолингвистической лексикографии (см., например, "Словарь свадебной лексики Орловщины" М.В. Костромичевой [Костромичева 1999]).

Отметим еще одну, чрезвычайно важную сторону словаря Даля, которая по достоинству начала оцениваться только сейчас. Словарь являет собой первый опыт создания словаря недифференциального типа, т.е. в нем нашла отражение как собственно диалектная, так и общенародная лексика, что полностью отвечало духу его времени, времени поисков и выработки основ и норм общенационального языка. Более того, благодаря этому новаторству Даля, словарь сохранил для нас те диалектные особенности русского языка, которые в силу естественных языковых процессов оказались сегодня полностью или частично утрачены. Это обстоятельство является чрезвычайно важным при историческом изучении лексики русского языка, особенно исторической диалектологии. При историко-лексикологических исследованиях русского языка второй половины XVIII в. помощь словаря Даля просто неоценима, поскольку именно этот словарь дает основания для суждений о значении и локальной приуроченности того или иного слова, отмеченного в тексте произведения (так, например, в комической опере Н.П. Николаева "Розана и Любим" встречается слово *колывань*, отсутствующее в толковых и переводных словарях XVIII–XIX вв.: [Щедров:] *Дать было ему денег... Вот тебе на лапти*. [Лесник:] *Отец мой! Да тут на целую неделю колывань*. В словаре Даля мы находим значение этого слова: 'пир, празднество')¹.

Вместе с тем следует отметить, что такое лексикографическое решение Даля ставило его в известной степени в оппозицию к Российской Академии наук, которая при составлении Словаря Академии Российской (1789–1794 гг.) отказалась от принципа включения в Словарь всех областных слов и приняла решение "оставить в Словаре лишь те областные слова, которыми изображаются вещи, орудия и проч., в столицах неизвестные, а также те, которые могут послужить к обогащению и обилию языка или же изяществом своим превосходят слова, в столицах употребляемые" [Записки 1784: 43], ср. также позицию А.Х. Востокова, возглавлявшего работу над "Опытом областного великорусского словаря", который считал только архаическую часть диа-

¹ Подробнее см. [Князькова 1979: 178].

лектной лексики заслуживающей внимания и отражения в "Опыте"². Впоследствии это лексикографическое новаторство Даля было забыто и большинство диалектных словарей создавалось по принципу дифференциального типа, когда в центре внимания лексикографа оказывалось лишь диалектное слово (реже – значение), неизвестное литературному языку. И только сравнительно недавно снова возродился интерес к диалектным словарям недифференциального типа, ярким образцом которого в отечественной лексикографии является Псковский областной словарь (1967).

Появление Словаря Даля было встречено неоднозначной оценкой этого лексикографического труда. И от современников Даля, и, к сожалению, сегодня можно нередко услышать упреки в его адрес в том, что он сам собрал небольшой материал, обобщив в основном диалектные материалы "Опыта областного великорусского словаря" и других диалектных словарей. Даль и не скрывал этого. В своем "Напутном слове" к читателю он так говорит о своем способе обработки материала: "Составитель, идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, пополнял его своими запасами, эта же работа пополнялась еще словарями: областным академическим, Бурнашева, Анненкова и др." [Даль 1978, I: XXVI]. Однако мало кто обращает внимание на следующие слова Даля: "...сколько слов пополнено вновь из запасов моих, я смогу сказать только по окончании всего труда, но знаю, что их будет никак не менее 70-ти или 80-ти тысяч". В Словаре была, по сути дела, впервые осуществлена плодотворная идея обогащения материалов ранее составленных печатных источников рукописными (Даль включил в Словарь не только то, что было собрано им лично, но и тот огромный материал, который был прислан ему его многочисленными корреспондентами). К этому можно лишь добавить, что тот, кто когда-нибудь работал с "Опытом", собирая по нему интересующую его лексику, не мог не обратить внимания на удивительную повторяемость таких географических помет, как *Пск.*, *Твер.*, *Волог.*, что говорит о том, что именно северо-западная зона русских диалектов лучше всего была обследована диалектологической комиссией, тогда как в Словаре Даля географические пометы распространяются вплоть до самых окраин Российской империи. В этой связи хотелось бы отметить и такой интересный факт современной диалектной лексикографии, как стремление максимально укрупнить территорию обследования и создать словари-компендиумы, ср., например, такой крупномасштабный лексикографический проект, как "Словарь русских народных говоров", который обобщил разбросанные по многочисленным источникам сведения по лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 170-летний период (с начала XIX в. до наших дней). Несмотря на это в словаре при очень многих словах приводятся лишь пометы В.И. Даля (ср. *байдачить* 'бурлачить' Южн. [Даль, СРНГ, 2: 54]; *батырить* 'искусно и отважно ездить на коне' Оренб. [Даль, СРНГ, 2: 148]; *бирюк* 'барсук' Нижегород. [Даль, СРНГ, 2: 294]; *биснеть* 'седеть' Арх. [Даль, СРНГ, 2: 296]; *блзнить* 'обманывать' Сев. [Даль, СРНГ, 2: 314] и др.). Более того, в настоящее время широко развернулась работа по реализации нескольких таких больших проектов. Это "Словарь севернорусских говоров", под "крышкой" которого будут объединены вышедшие уже Словарь говоров Среднего Урала, Архангельский словарь, Вологодский словарь и др., а также сводный "Словарь сибирских говоров". Таким образом, опыт Даля, несмотря на критику, оказался востребованным и успешно осваивается современными диалектными лексикографами.

² В сохранившемся первоначальном варианте Предисловия к "Опыту" четко выражены принципы отбора диалектной лексики, подлежащей лексикографической обработке: вся диалектная лексика подразделяется А.Х. Востоковым на два класса: первый составляют слова, "кои по неправильности состава и уродливости своей не заслуживают внимания", второй класс образуют слова, "кои могут служить к обогащению языка", сюда им относятся те из областных слов, которые ранее принадлежали всему языку, но впоследствии исчезли из общенародного употребления и сохранились только в говорах (см. Архив АН СССР, ф. 108, оп. 1, № 284, л. 1).

Другим упреком В.И. Далью был упрек в недостоверности его материалов, а именно то, что многие слова являются плодом его фантазии, продуктом собственного языкотворчества. Как показали последние филологические исследования (см., например [Дейкина 1993]), эти упреки лишь отчасти имели под собой основания. В Словаре Даля действительно имеется немало слов (около 14 тыс.), которые являются его новообразованиями. Однако все эти слова, по определению самого Даля, являются либо "объясняемыми" словами, т.е. именами, толкуемыми внутри словарной статьи, с помощью которых иллюстрируются "живые, жизненные" связи в "семье" однокоренных слов, либо "объяснительными", т.е. именами, которые используются им для толкования заимствованных слов (ср., например, *ловкосилие* вместо гимнастика, *особищина* вместо сепаратизм, *дикобразность* вместо барокко и др.), но в "красной строке", т.е. в заголовке словарной статьи-гнезда, ни одного из созданных Далем слов нет. Все эти имена существуют только в контексте словарной статьи, их породившей, и появление их следует расценивать как реализацию общей языкотворческой программы Даля, имевшей своей целью реформирование литературного языка-"каженика" на основе русской народной речи. Вот как писал сам Даль об этом: "Такой переворот предстоит ныне нашему языку... Все, что сделано было доселе, со времен петровских, в духе искажения языка, все это неудачная прививка как прищепа разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своем корне, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкою сверху..." [Даль 1978, I: XXI]. "Переворот" этот, по мысли Даля, должен был состоять, с одной стороны, в "включении" в язык народных слов и выражений, а с другой – в "развитии наперед" законов словотворчества: Словарь Даля должен был открыть неисчерпаемые возможности "законов словопроизводства" при создании не только слов, равноценных заимствованиям, но и слов "русского склада", которые "требуют в словаре своего места" по закону "живой жизненной связи всех слов" в языке.

Поскольку основной "закон словопроизводства" Даль видел в "живой жизненной связи", в "родстве всех слов между собой", то отсюда становится понятным выбранный им принцип построения Словаря – "гнездовой". В практике составления областных словарей в XIX в. (как, впрочем, и сейчас) царил большой разноречивостью. И сам Даль долго колебался в выборе способа репрезентации диалектного материала. "Одноязычные словари, – пишет он, – доселе составлялись двояко: либо все, без изъятия, слова подбирались сподряд в азбучном порядке, и каждое слово объяснялось по себе, будто иных прочих и не бывало, либо слова подбирались целыми ватагами под один общий корень. Первый способ крайне туп и сух. Самые близкие и сродные речения при законном изменении своем на второй и третьей букве разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет; одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил..., потому что ум наш требует во всем какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности... Второй способ, корнесловный, очень труден на деле, потому что знание корней образует уже по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков, не исключая и отживших...; при этом он основан на началах шатких и темных, где без натяжек и произвола не обойдешься; сверх того, порядок корнесловный при отыскании слов предполагает в писателе и в читателе не только ровные познания, но и одинаковый взгляд и убеждения насчет отнесения слова к тому или другому корню. Корнесловный словарь... как противоположность азбучному словарю крайность, он для обихода также не удобен. ... Сделав несколько неудачных попыток в том и другом роде, составитель ... решился собрать по семьям или гнездам все очевидно родственные слова, устранив те производные, в которых изменяются начальные буквы; это попытка на способ средний между голословным и корнесловным словарями" [Даль 1978, I: XIX–XXI]. Именно такой способ подачи материала должен был способствовать, по мнению Даля, пониманию внутренней логики образности народной речи, "постижению духа языка, законов его словообразования". "Не усвоим ли мы себе

легче утраченный нами дух языка, — задает риторический вопрос Даль, — при том гнездовом или семейном порядке составления словаря, какой читатели видят ныне перед собою?" [Там же]. В качестве иллюстрации алфавитно-гнездового способа расположения слов в Словаре, при котором в одном гнезде оказываются связаны термины семейной, календарной и сельскохозяйственной обрядности, можно привести гнездо с названием традиционной русской пищи **блин**: *блины, блинки, блинцы и блиночки*, которыми обычно празднуется наша масленица... Блинами поминают покойника и празднуют свадьбу; блины называется стол у родителей на другой день свадьбы... *Блинница* свтб. Девушка, приходящая к молодой на др. день свадьбы с блинами. // Масленица... *Блинщина* ж. пора блинов, масленица, сырная, блинная неделя [Даль 1978, I: 97], подробнее см. [Плотникова 2000: 35]. И хотя Дально не удалось избежать некоторых трудностей и опасностей гнездового способа построения Словаря (от которых он сам же и предостерегал), однако его преимущества были по достоинству оценены как современниками Даля, так и диалектными лексикографами последующих поколений.

Более того, гнездовой способ репрезентации материала, при котором не обрываются смысловые связи между производящим и производным словом, актуализирующим семантику, стертую (или отнесенную на периферию) в производящем, оказался созвучным некоторым идеям современной лингвистики. Думается, что осознание этой внутренней функционально-семантической связанности дериватов одного гнезда явилось толчком к возникновению такого научного понятия, как семантико-символическая парадигма, успешно применяемого в работах по этнолингвистике и диалектному словообразованию (см., например, работы С.М. Толстой [Толстая С.М. 1989], Т.И. Вендиной [Вендина 1999]). Построенная на основе общности мотивировочного признака и представляющая собой мотивационный лексический ряд, в котором могут объединяться функционально разнородные значения, семантико-символическая парадигма предстает в виде "текста", позволяющего проникнуть в глубинные основы языкового сознания народа. Видя перед собой огромное разнообразие словообразовательных моделей, репрезентирующих название той или иной реалии, исследователь с помощью словообразовательного анализа, при котором учитываются структурно-семантические отношения, возникающие между производящим и производным словом, выявляет общие закономерности номинации реалий, выполняющих одну и ту же или разные функции, но имеющих определенную связь с одним и тем же исходным понятием. Так, в частности, использование понятия семантико-символической парадигмы позволило нам выявить символику различных цветов в русских диалектах, например, с **белым цветом** в русских диалектах чаще всего связывается сема **хороший** (само прилагательное *белый* в псковских говорах имеет значение 'хороший' Пск. [СРНГ, 2: 229]); именно с этой семой и вообще с положительной символикой белого цвета связаны и названия *белого гриба-боровика* *Boletus edulis* Bull. (ср. *белевик* Вост. Урал [СРНГ, 2: 208]; *беловик* Урал. [СРНГ, 2: 217]; *белоголоник* Свердл. [СРНГ, 2: 218]; *белогриб* Перм. [СРНГ, 2: 219]; *белыш* Пск. [СРНГ, 2: 233]; *беляк* Симб., Тул., Тамб., Пенз., Смол. [СРНГ, 2: 239]; *белянка* Пенз., Тамб. [СРНГ, 2: 240]; *беляшка* Твер. [СРНГ, 2: 241]), ср. также название ядовитого гриба 'белая поганка' *белянка* Яросл., Урал. [СРНГ, 2: 240], в котором белый цвет выполняет маркирующую функцию и передает онтологические свойства данной реалии; эта же сема актуализируется и в названии крупнотравяного *леса* (ср. *бель* 'хороший крупнотравяной, с преобладанием ели, лес, не засоренный подлеском' Сев.-Двин. [СРНГ, 2: 234]), а также *праздничной одежды* (ср. *белье* 'лучшая одежда в противоположность плохой одежде' Костром. [СРНГ, 2: 236]). С белым цветом оказывается нередко связана и сема **свободный**, актуализируемая чаще всего в названиях свободной от поселений или сельскохозяйственных работ *земли* (ср. *беловодье* 'никем не заселенная, "вольная" земля' Южн.-Сиб., Том., Енис., Зап.-Сиб. [СРНГ, 2: 217]; *белик* 'новь, целина' Сиб. [СРНГ, 2: 212]), а также в названиях лесных полей, т.е. пространства свободного от деревьев (ср. *белина* 'поляна в лесу' Калуж. [СРНГ, 2: 214]; *белынь* 'обширная поляна

или большой луг среди леса' Ярослав. [СРНГ, 2: 229]). Эта же сема имплицитно присутствует в лексеме *обелина* 'оставшееся незакрытым соломой место на крыше, на дворе' Казан. [СРНГ, 22: 30]. С белым цветом соотносится и понятие *чистоты* (ср. *белизна* 'исключительная чистота' Смол. [СРНГ, 2: 212])³, не случайно именно с белым цветом связана свадебная терминология (ср. *беленье* 'вывод молодой на улицу' Влад. [СРНГ, 2: 211]; *белилы* 'девичник' Арх., Влад., Пск., Смол. [СРНГ, 2: 213]) и т.д. (подробнее см. [Вендина 1999: 289]).

Такой подход к обработке и репрезентации диалектного материала в рамках одной словарной статьи способствовал комплексному изучению диалектов и народной духовной культуры, что нашло яркое выражение в работах Д.К. Зеленина, а также многочисленных учеников этнолингвистической школы Н.И. Толстого.

Каждое гнездо словарной статьи Словаря содержит богатый иллюстративный материал (включая фразеологизмы, пословицы, поговорки, загадки, заговоры, суеверия и проч. (их в Словаре более 30 тыс.)), который сопровождается развернутым комментарием, обнаруживающим превосходное знание В.И. Далем быта, нравов и обычаев русского народа, и являет собой, по сути дела, лингво-этнографический принцип подачи материала, при котором "слова не отрываются от вещи" (см., например, словарную статью *лапотъ*, в которой даются не только разные названия лаптей, но и описываются различные способы их изготовления и ношения или толкование названий демонологических персонажей, типа *баба-яга*, *лесовик*, *кикимора*, *русалка* и др., в которое включается не только описание внешнего вида, функций и способов общения с человеком, но и приемы противодействия и т.д.), а в конечном итоге – репрезентацию того или иного фрагмента народной культуры. Обладая глубоким языковым чутьем, Даль в каждой словарной статье дает, по существу, концептуальное описание основных ключевых понятий русской духовной и материальной культуры. Проиллюстрируем это положение на примере такого базового концепта любой культуры, как труд.

Судя по материалам Словаря Даля, в русском языковом сознании различались понятия *работать* и *трудиться*.

Словообразовательное гнездо глагола *работать* довольно бедное, причем, кроме значения 'трудиться', у него имеется значение 'работать на кого-либо' (ср. русскую пословицу: *Чей хлеб ем, того и ем* или *на того и работаю* [Даль 1978, IV: 5]). Это значение подтверждают и современные диалектные словари. ср. глаголы *работничать* 'работать по найму, батрачить' [СРНГ, 33: 241]; *работать за присевок* 'работать у хозяина только за пропитание' Хабаров. [СРНГ, 33: 239]. В этой же словарной статье Даль отсылает нас к церковнославянскому языку, в котором глагол *работати* имел значение 'быть в рабстве, служить кому-либо'. Еще ярче это значение глагола работать выражено в старославянском языке, где *работати* 'тяжело работать на кого-либо' [СС: 563]; *поработати* 'окончить рабский труд' [СС: 480], т.е. налицо ущемление свободы человека.

Что касается глагола *трудиться*, то его основное значение связано с указанием на добровольный труд, труд на себя (сама возвратная форма глагола отсылает нас к семе *трудить себя*). Кроме того, как свидетельствуют материалы Словаря Даля, в русских диалектах он часто оказывается связанным с темой страданий и мучений (ср. *трудиться* 'мучиться долго, маяться перед смертью' Волог. [Даль 1978, IV: 437]; *трудиться* 'долго быть больным, страдать какой-либо тяжкою болезнью' Волог., Пск. [Опыт 1852: 233]; *трудяться* 'мучиться, долго страдать' Волог. [Даль 1978, IV: 437]). Сохраняется в русских диалектах и значение 'трудиться' у глагола *страдать*. Интересно, что в русских диалектах (причем, в основном в севернорусских) глагол

³ Ср. также наречия с этим же значением *вобело* 'очень чисто' Свердлов. [СРНГ, 4: 326]; *набело* 'очень чисто' Твер. [СРНГ, 19: 112].

страдать, страдовать имеет значение 'усиленно работать, трудиться' (ср. также др.-русск. *страдамаа земля* 'пахотная земля' [Срезн., III: 532]). В связи с этим нельзя не привести интересные наблюдения над концептом и темой труда в древнерусской литературе В.Н. Топорова: "Труд в русском языковом сознании не просто работа, некое занятие, ... труд прежде всего *труден* и мучителен (время его – *страда* – своим обозначением отсылает к теме страдания), он понимается как нечто вынужденное, принудительное (*нужда, нудить*), и в этом смысле он не просто бремя, но и проклятие человеческой жизни" [Топоров 1995: 704]. На эту же связь глагола *трудиться* с темой страданий и мучений указывает С.М. Толстая, приводя интересные примеры из различных славянских диалектов. Рассматривая семантическое развитие слов синонимического ряда, связанного с семантикой труда, она приходит к чрезвычайно интересному выводу о том, что "лексема **trud-* покрывает своей семантикой весь жизненный путь человека – от рождения в трудах и муках (ср. серб.-хорв. *трудити се* 'рожать') через непрерывный труд всей жизни до последних смертных мук (ср. блр. *Тата сільна трудніўся, пакуль умёр*)" [Толстая 1998: 27].

Таким образом, для русского языкового сознания тема труда тесно связана с темой страдания, мученичества. *Трудником, тружеником* в русских диалектах называется человек, добровольно обрекший себя на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неутомимо. *Трудник*, по Далю, вместе с тем и человек, работающий на монастырь, и сподвижник по обету [Даль 1978, IV: 437]. Нести это бремя человеческой жизни легче сообща, всем вместе, и тот, кто уклоняется от этой ноши, заслуживает презрения. В русском языковом сознании лень входила в противоречие не только с православной этикой, для которой было характерно понимание труда как источника и способа стяжания Божьей благодати (ср. приводимые Далем русские пословицы *Бог труды любит* или *Богу молись, а сам трудись*), но и с принципом выживаемости, а также с принципом соборности, коллективности (отлынивая от работы, человек перекладывал ее на другого). Вот почему так много в русских диалектах названий ленивого, нерадивого человека, в которых отчетливо просвечивает отрицательное отношение русских к человеку пассивному, бездеятельному.

Мы привели лишь небольшой пример, иллюстрирующий потенциальные возможности Словаря, который можно с полным основанием назвать словарем концептов русской культуры, ибо этот Словарь позволяет читателю проникнуть в тайны "народного духа", мирочувствования и мировидения: лексика, представленная в Словаре, – это огромный языковой мир русского народа, требующий еще своего постижения.

Более того, можно без преувеличения сказать, что антропоцентрический подход к языку как новая парадигма современной лингвистики был, по сути дела, на стихийно-эмпирическом уровне реализован уже Далем, доказавшим, что этот подход к языку требует привлечения разнотипных языковых единиц, которые, "будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира или знание о мире" [Кравченко 1999: 6]. Это достижение Даля особенно актуально сейчас в связи с развитием лингвокультурологии как интегративной науки, ориентированной на изучение способов воплощения в живом национальном языке материальной и духовной культуры этноса.

Многие из приведенных Далем слов живы и сегодня в русских диалектах. А поскольку Словарь Даля является словарем недифференциального типа, то его можно рассматривать и как источник для решения такой чрезвычайно важной проблемы истории русского языка, как соотношение лексики литературного языка с лексикой русских народных говоров, т.е. Словарь дает толчок лексикологическим разысканиям в области становления и развития словарного состава русского литературного языка, определения "путей и сроков проникновения разных народно-лексических струй в литературную речь", о чем в свое время писал В.В. Виноградов (ср. его слова: "... в изучении народных элементов в составе литературной лексики намечаются два основных направления: это – 1) историко-географический анализ распространения диалектиз-

мов, входивших на время в литературный язык или прочно ассимилированных им, и 2) социально-исторический анализ путей движения разных диалектных слов в систему литературного языка и стилистических условий включения их в литературную норму. В том и другом направлениях необходимо поднимать целину" [Виноградов 1978: 215]]. Однако задача эта до сих пор остается нереализованной.

Словарь Даля, таким образом, предвосхитил многие направления в развитии отечественной диалектной лексикологии и лексикографии. Живое, полное любви и творческой силы отношение Даля к народному слову пробуждало этническое самосознание, способствовало развитию и укреплению интереса к русским диалектам, стимулировало тем самым собирательскую деятельность последующих поколений диалектологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буслаев Ф.И. 1874 – Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. М., 1874. Т. III.
- Вендина Т.И. 1999 – Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. М., 1999.
- Виноградов В.В. 1978 – О связях истории русского языка с исторической диалектологией // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Даль В.И. 1958 – Об авторстве русского народа // Канкава М.В. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
- Даль В.И. 1978 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
- Дейкина А.Ю. 1993 – Отвлеченные имена существительные-новообразования в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Еремин С.А. 1926 – Проект словаря русской этнографической диалектологии // Язык и литература. 1926. Т. I. Вып. 1–2.
- Записки 1784 – Записки Российской Академии. Собрания: 12 марта 1784 г., ст. III. СПб., 1784.
- Князькова Г.П. 1979 – Толковый словарь В.И. Даля и историческая лексикология // Диалектная лексика 1977. Л., 1979.
- Костромичева М.В. 1999 – Словарь свадебной лексики Орловщины. Орел, 1999.
- Кравченко А.В. 1999 – Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // ВЯ. 1999. № 6.
- Куликовский Г.И. 1898 – Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Плотникова А.А. 2000 – Словари и народная культура. М., 2000.
- Подвысоцкий А.О. 1885 – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Т. 1–9. Л., 1967.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–33. М.; Л., 1965–1999.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х томах. СПб., 1893–1903.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Толстая С.М. 1989 – Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
- Толстая С.М. 1998 – Труд и мука // Язык Африка Фульбе. Сборник научных статей в честь А.И. Коваль. СПб., 1998.
- Топоров В.Н. 1995 – Святость и святыне в русской духовной культуре. Т. I. М., 1995.
- Успенский Б.А. 1994 – Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Избранные труды. Язык и культура. Т. II. М., 1994.